

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА СИБИРИ

*Материалы XIII научного семинара
Сибирского регионального вузовского центра
по фольклору*

**ББК 82.3(2)
Н 301**

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Омского государственного
педагогического университета

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда (проект № 04-04-14013г).*

Редакционная коллегия: канд. искусствовед., доц., и.о. проф.
Н.В. Леонова;
докт. филолог. наук, проф.
Т.Г. Леонова (отв. редактор);
канд. филолог. наук, доц.
В.А. Москвина.

Н 301 **Народная культура Сибири: Материалы XIII научного се-
минара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору /
Отв. ред. Т.Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. – 300 с.**

ISBN 5-8268-0822-5

В данном сборнике публикуются информация о XIII на-
учном семинаре Сибирского РВЦ по фольклору и тексты докла-
дов, сообщений или написанные на их основе статьи.

ББК 82.3(2)

ISBN 5-8268-0822-5

© Коллектив авторов, 2004

Таким образом, в современном похоронном обряде сохранились представления о единой сакральной общине живых и предков, их взаимных обязанностях. Однако, обряд разрушается, вышли из живого бытования моления на кладбище о дожде, хотя все другие составные части обряда в основном сохранились (обмывание, отпевание, вынос покойного). Традиционен поминальный обед. Соблюдаются обычаи поминок на девятый, сороковой день и "годины".

С.А. Моисеева

КОНЦЕПТ СУДЬБЫ И СПОСОБЫ ЕЕ РАСПОЗНАВАНИЯ В ДЕВИЧЬИХ ГАДАНИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКСПЕДИЦИЙ В РУССКИЕ ГОРНОЗАВОДСКИЕ СЕЛА БАШКИРИИ)

Фольклорно-этнографические экспедиции в русские села Башкирии даже в начале ХХI в. демонстрируют высокую степень сохранности традиционных народных представлений о рождении, жизни, браке, смерти, т.е. обо всем, что собственно и составляет концепт судьбы.

Девушки в 30-60-е гг. ХХ в. гадали на судьбу преимущественно накануне Рождества, под Старый Новый год, под Крещение, что связано с традиционными представлениями о судьбоносности двух святочных недель. Гадая на судьбу, девушка хотела узнать, выйдет ли она в наступающем году замуж, затем – кто ее суженый-ряженный (какой он по характеру, по внешности, по возрасту), как ей будет с суженым житься (бедно или богато, ладно или скандально, мало или долго), и, наконец, когда ей умереть. Во всех зафиксированных нами случаях гадания о возможности и времени предстоящего замужества знаки судьбы зашифрованы либо в общепринятых традиционных оппозициях "свой"- "чужой", "парный"- "непарный"; либо в проницательной символике: пролезание через дугу, хомут, коромысло, воспринимаемое как "переход" в другой мир, как обновление – наделение судьбой – замужеством – женихом – суженым-ряженым.

Увидеть своего суженого-ряженого – свою судьбу девушка могла, лишь прибегнув к определенным магическим действиям и выполнив их в строго назначенное время (полночь), в предписанном традицией порядке и месте. Особой ритуальной значимостью в региональных гаданиях выделяется пространство подпола. "Со свечкой в подпол. Сидишь, свечка горит, один стакан воды поставишь и глядишь,

как суженый-ряженный выйдет" (п. В. Авзян, 1997 г.) [1]. Предметный код включает в себя воду из родника, ключа, расположенного у кладбища, что, вероятно, было связано с представлениями о связи родниковой воды с душами умерших родственников, от которых во многом зависела судьба живых; зеркало и нитка, на которой из приоткрытой двери в зеркале должно было появиться отражение суженого-ряженного, т.е. предназначенного, предписанного, сужденного по порядку (ряженный – поставленный в ряд кем-то свыше, кто и спускает на землю каждому свои нити судьбы, наделяя людей долей) .[2]. Так, в Баймакском районе, по воспоминаниям М.М. Вершининой (1924 г.р.), когда-то отмечался Русальный день: "Русалка лицо разукрасит, разоденется, в лапоть наладит камней всяких, клубочки ниток и махает им. Кто смотрит на неё – может стукнуть. А женщины рядом ходили и пели: Русальщца плакала, / Под замок слезы прятала. / Нитка доли, доли, доли -/ Клубок боли, боли, боли" (2000 г.). Таким образом, русалки как представители чужого, потустороннего мира – мира загробного – мира умерших родственников протягивали нити судьбы и наделяли живущих долей. Неслучайно в похоронной обрядности русских горнозаводских сел существовал обычай воду после обмывания покойника выливать под прясла (с. Н.Авзян, 1997).

Представление судьбы-доли как нити отразилось в весеннем календаре южноуральских казаков. "Кажимотка приставала к девушкам: "Кажимот, чё напярля?" Покажешь ей, она похвалит: "Молодец, дай бог здоровья, жениха хорошего" (п. Краснинск, 1998). В данном случае девушка сама ткала свою нить судьбы, но надделение судьбой-долей, провозглашение судьбы было функцией представителя иного мира – ряженки-кажимотки: она могла похвалить, пообещав за хорошую работу – длинную ровную нить – хорошую жизнь и жениха. Магия первой спряденной нити и связанный с ней архаический ритуал заговора судьбы сохранялся в регионе, по воспоминаниям информантов, до 40-х гг. XX столетия в требованиях сжечь первую нить (вещь), а золу съесть. Если сравнить выше обозначенный обычай с ритуалом сжигания, выбрасывания под печь или протыкания в дверные углы первых родимых волос, то можно предположить, что эти ритуалы составляют единое семантическое поле, ядром которого выступает семантический ряд нить – волосы – пух/шерсть (как волосы птиц и животных) – суженый-ряженный – судьба. Представленный семантический ряд является сюжетообразующим элементом следующего текста гадания, известного в русских селах Башкирии. "Вот мы гадали на жениха. Нужно взять несколько женских волосков: рыжухи, чернухи, седой бабки, белянки, вдовухи, свойский. Нарезать 7 бумажных конвертов, завернуть каждый волос, один конверт

оставить пустым. Ложись спать, клади 7 конвертов под подушку и говори: "Какой моей судьбе бывать, такой мне волос доставать". Вечером ни с кем не разговаривай, ложись спать. Утром руку под подушку – вытащи один конверт. Если волос рыжухи – муж добр и рыж, седой – старше по годам, чернай – муж темнай, неласковой, белянки – светлай, волос вдовый – овдоеешь или замуж за вдовца выйдешь, если свой волос – душа в душу жить будитя, пустой конверт – ранняя тебе смерть" (с. Кага, 1999). Таким образом, сновидения – это еще один способ узнать свою судьбу. Поведение девушки перед вещим сном было предельно ритуализовано: косы расплетали, "кощергу окорящивали", ехали на ней к проруби, воды набирали, туда и назад не оглядывались, могли идти "взадпятками" и молча; воду на замок закрывали, а ключ под подушку; из привезенной на кочерге речной воды замешивали лепешку, спать шли – лепешку под мышку клали. При этом обязательно вербально призывали суженого-ряженого: "Суженый мой, ряженный, приди, лепешечку попроси", "суженый, ряженный, айда коня поить", "суженый, ряженный, приди ко мне наряженный из колодца воду пить, у меня ключа просить". В указанном типе гаданий выделяется мотив отпирания ключом воды, широко распространенный в славянском фольклоре. Ср. с загадкой: "Заря-заряница – красная девица по миру ходила, ключи обронила: месяц видел, солнце скрыло". В центре загадки сюжет брака месяца-жениха и утренней зари [3].

В послевоенные годы в региональной традиции было широко распространено гадание на судьбу своих отцов, братьев, не вернувшихся с фронта, которое было связано с линией судьба – жизнь или судьба – смерть. "Вот хоть и получили мы о папе похоронную, а все равно не верилось. Собрались мы три подружки. Нам мама подсказывала и еще там старые люди, как делать: стол должен быть без скатерти, ставишь стакан воды, вода должна быть родниковая: чистой-пречистой. В стакан опускали кольцо – обязательно подвенечное... Я загадала: если мой отец жив, то пусть покажется, если нет, то пусть признак будет, что его нет. Я в кольцо смотрю и вижу: холмики, холмики, крестики. Ну, все, я с тех пор уверилась, что отца нет, не надо верить, что он жив" (п. Инзер, "Милосердие"-2004). Таким образом, наряду с пониманием судьбы – нити – пути – суженого-ряженого существовал концепт судьбы – смерти, семантическое поле которого расширяется за счет введения мотива распознавания не только своей судьбы – смерти, но и узнавание судьбы – смерти близких родственников.

Концепт судьбы – брака и судьбы – смерти является центральным в семантике святочных подблюдных гаданий. Знаками предстоя-

щего замужества в зафиксированных подблюдных песнях является чужая сторона: "свистнула иголочка по чужой стороне"; приуряженные кони: "семеро коней приуряжены стоять"; кот с кошуркой: "кот кошку звал в охлопья спать". Два текста содержали в себе знаки, маркирующие отдельные характерные черты будущего мужа: "Ехал мужик по городу, / Торчат ноги из коробу" – муж городской будет (с. Кага), муж пьяница будет (с. Узьян). "Сидит старик у пещурочки, сухари толщёт" – муж старый будет (с. Н.Авзян), муж бедной (с. Кага). Плюс "смерти" обозначен через знаки "соснового гроба", "могильничка", "саней", "поросят/свиной": "Под Новый год, сосновый гроб", "По могильничку саношки каталися, а за саношками свиной/поросята гонялися" [4].

Концепт судьбы – богатства/бедности отразился в следующем типе гадания: "Собиремся с девчонками в бане, и вот по-одному зад оголяем и в окошко. И ждем, чтоб домовый дотронулся. Если лохматой рукой дотронется, жених будет богатый и значит жизнь будет богатая, если рука шершавая – в бедности жить" (п. Агаповка, 1999 г.). Неслучайно лексическим зерном выражения "лохматая рука" является сема: власть свыше, от которой во многом зависит судьба определенного человека. В региональной традиции употребительно выражение "жить лохматенько": "Это значит богатенько, это кода денег много, а откуда они, одному Богу известно" ("Милосердие"-2004).

Таким образом, в рассмотренных типах гадания судьба выступает как предназначенное/сужденное свыше; судьба как добро, олицетворенное в образе суженого-ряженого (жениха/мужа); судьба – это два стержневых события человеческой жизни, избежать одно из которых нежелательно – брак, а другое невозможно – смерть. В промежутке между браком и смертью есть путь – нить – жизнь, которая по народным представлениям может быть богатой или бедной, ладной/радостной/сладкой или дурной/печальной/горькой. "Судьба сложится у человека, когда, если пришел возраст выйти замуж – надо выйти замуж, во время родить; и чтобы семья была прочная – это будет хорошо. Если ты жена – уступай; если ты женился – значит, ты должен жену жалеть, тогда будет лад в семье, сладкой жизнь покажется" (Г.И. Герасимова 1935 г.р., п. Инзер). В основе этих рассуждений и текстов зафиксированных гаданий лежат традиционные представления о способах построения взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Такое понимание судьбы маркирует историческую стойкость и внутреннюю защищенность этого слова от влияния времени, когда модель отношений, предполагающая системное, строго организованное во времени и пространстве создание семейной/брачной пары от-

жила свое. На наш взгляд, под влиянием литературы в концепте судьбы появляется слово любовь, а рождение новых социальных мифов "денег" и "современной женщины" сужает концепт судьбы до слов – богатство и карьера.

Примечания:

1. Здесь и далее цитируются материалы из фондов архива лаборатории народной культуры Магнитогорского университета. Орфография в цитатах дана в соответствии с местным произношением.

2. Толстая С.М. "Глаголы судьбы" и их корреляты в языке культуры // Понятия судьбы в контексте разных культур. – М., 1994. – С. 143.

3. Рожкова Т.И. К проблеме реконструкции славянского мифа о браке утренней зари и месяца // Материалы межвузовской научной конференции 20-21 февраля 1996 г. – Магнитогорск, 1997. – С.56.

4. Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала / Сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры МаГУ. – Магнитогорск, 2003. – С.84-86.

Г.И. Власова

КАЛЕНДАРНЫЙ НАРРАТИВ В СОВРЕМЕННОМ БЫТОВАНИИ

Праздник как целостный феномен народной культуры и субкультуры описывается и конструируется с помощью календарного нарратива, в котором ситуация праздника излагается в упорядоченной последовательности при помощи сюжета. Нарратив (от англ. *Narrative* – рассказ, повествование) представляет собой специфическую форму дискурса. По определению лингвистического энциклопедического словаря, дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами. "Дискурс это речь, погруженная в жизнь" [1, с. 136], т.е. речь, вписанная в коммуникативную ситуацию. "Нарратив понимается не как жанр, сводящийся к корпусу существующих текстов, но как тип дискурса, изменчивый, но неуклонно порождаемый культурой" [2].

Вторичная жизнь народных традиций, социальное проигрывание разных моделей включения культурных архетипов прошлого в современную жизнь определяет актуальность изучения нарратива как